Автор: Л. А. Барановский

Было это летом 1944 года...

Слух о том, что в городе появился представитель экспедиции с интригующим названием: „Желдорпроект" взволновало только небольшую часть жителей города. В этом ничего удивительного не было, так как шла война, каждый думал о том, как выжить и дожить до ее конца ~~войны~~. Всех интересовал вопрос: когда наступит время, когда можно будет до сыта покушать хлебушка, который так трудно и сложно доставался по граммам.

Более обеспеченная часть горожан начали обсуждение известия о новой организации.

Представитель ее побывал в горкоме ВКП(б), исполкоме, милиции. Стали известны и причины посещения: нужно было жилье, контора, транспорт и люди. Вопрос о жилье и конторском помещении решили быстро: выделили пустующий барак в котором организовали общежитие и контору. Для местных - городских раз'ездов арендовали в горкомхозе лошадь с легковой телегой и кошевкой. А для производственных нужд заключили договора с колхозами „С. Кирова" и „Буденовец" (Старая Игарка и Карасино) на аренду оленей и каюров. Труднее решался вопрос с людьми. Экспедиции нужны были мужчины, не старые, справные. А таких практически в городе не было. Представитель обратился к местному руководству Норильского лагеря на устье Черной речки - которое проводило, при помощи заключенных, отстойные работы своего флота: катеров, лихтеров и деревянных барж.

Руководство лагеря на основании распоряжения сверху, обещала выделить экспедиции требуемых

25 мужиков с небольшими сроками или домашывающих более длинные.

Среди них оказался Алексей Курсиш, мой земляк, попавший за кольцую проволоку в начале 1943 года за отказ от работы. Нет, не вообще от работы, а именно той, которую считал нужной для Алексея имевший на него зуб вольнонаемный бригадир на рыбалке. А зуб он имел на него крепкий - потому, что выглядел прямо недорослем против плечистого двадцатилетнего Алексея.

В результате два года лагеря. Благо еще, что с таким маленьким сроком его из Игарки никуда не отослали, а прямо на месте передали властям Норильлага, которое имело свое небольшое, человек пятьсот, отделение в районе устья р. Черная.

Работал Алексей зимой на вымерзке барж, а летом на ремонте флота. Как сам Алексей потом рассказывал в те тяжелые военные годы ему в лагере было не хуже чем на воле. Был он одинок, без семьи и родных. Все, что получал по карточкам на свободе, с'едал сразу, независимо от того была ли эта дневная пайка хлеба или месячная сахара, крупы, жиров и т. далее. А тут в лагере давали горячее утром и вечером, а в обед еще и „баланду". Правда похудел он страшно. При росте 180, весил чуть более 50 кгр. Но в лагере большинство выглядело еще хуже...

А тут, зимой, сорок четвертого нарядчик утром скомандовал: - „Выдь из строя. Пойдешь в разнорядку" -

Потом Алексей, при рассказе вспоминал:

- Вышел, а сам и думаю - за какие такие грехи.

ГИК422(1)

Вроде никого не обидел. Язык держал за зубами. Что нибудь съедобное не воровал - просто возможности не было. Хоть и не из трусливых, но на душе не спокойно. Как бы нехотя поплелся в разнорядку, которая была в зоне. А там уже выстаивало мужиков двадцать. Сразу от души отлегло: значит ничего страшного. Через полчаса - когда собрались все отобранные из других бригад - вышел вперед начальник лагеря в форме и с ним один в цивильном. Начальник представил ему слова и тот объяснил, что он возглавляет экспедицию, которой по лесу, лесо-тундре и тундре необходимо будет прорубить просеку. Трасса более тысячу километров. Работать надо будет зимой и летом. А на нас он надеялся, так как берет на досрочное освобождение и без „стрелков". Питание из общего котла - уменьшенное, одинаковое как для зэков, а так-же и вольнонаемных. Кроме того природный приварок дополнительный: ягоды, грибы, шишки, а если не лениться можно будет поймать рыбу, куропатку, зайца, а может быть и покрупней птицу или зверя. Оплата за работу в тройном размере. Как минимум 930 рублей (в то время не малые деньги). Те, у которых окончился срок будет получать ~~их~~ деньги наруки. Кроме того спецодежда, обувь, постельные принадлежности. Для курящих пачка ~~на~~нского табака „Смерть Гитлеру" (200 гр.) на месяц. Я, как и все остальные слушали затаив дыхание. Никто - ни гу-гу. Даже ведущий балагур-хохол Микола, язык проглотил. Завершил же цивильный свою речь тем, что объявил двухдневный отдых, так как мы числимся за ним с сегодняшнего дня. Отъезд из зоны послезавтра. Вот так резко изменилась моя жизнь. Дала крутой поворот. Осталась же я должен лагерю 10 месяцев сроку. Да Бог с ним".-

На прежний день мы, уже вольные, пошли пешком с устья р. Черная до второго участка. Там нас уже ждали: суп из концентратов и перловая каша (от которой шел даже мясной запах) и чай — такой густой что при нашей бедности в лагере мог сойдти за гефир. Вскрегей все мы остались очень довольны.

Потом были хозяйственные сборы, руководил которыми вольнонаемный десятник. Наш, отдельный отряд из двенадцати человек вышел из города первым. Добрались до Карасино, где нас ожидал кагор и пятнадцать оленей. Мне тогда впервые пришлось увидеть, как эти, безропотные, как мне показалось, животные послушно выполняли команды кагора. Если мне не изменяет память — звали его Пантелеймон Панкагир. Навючили мы оленей разным экспедиционным скарбом, как производственным, а так-же и бытовым и вышли на свой участок от Карасино до Ермакова. Главный, по моему разумению, инструмент была рейка, которую надо было держать одному из нах на расстоянии метров пятьдесят от геодезиста (главного специалиста отряда) Когда все было уточнено, началась прорубка просеки, как нам говорили, предварительной, не очень широкой. Ребята среди нас оказались дружные, все работы, которые были разные по степени труда дели поочередно. Приспосабливались кто как мог и к комарам и мошке, которых определяли одним словом — гнус. Удивлялись, что наш Пантелеймон совершенно спокойно к нему относился.

ГИК 422(2)

Создавалось впечатление, что они друг друга не замечали. А для нас это было настоящая мука. Хоть в отряде и был деготь но с ним надо было обращаться очень аккуратно: чуть чего, сразу слезала кожа из лица. Никак не могли привыкнуть и к накомарникам, в которых работать было очень неудобно. Но человек привыкает ко всему. Мы тоже стали более спокойно к этому относиться. Очень часто выручал костер, а ночью - дымокур. По его сооружению у нас появились и свои специалисты, и первым из них был Микола, и очень уж заносился, когда мы обращались вечерами к нему с этой просьбой.

Делали мы в день по метров триста и постепенно продвигались на юг - в сторону Ермакова. Если бы наша трасса была бы прямой, то свой участок мы прошли бы быстро. Но беда в том, что обходить приходилось не только озерцы, которых великое множество, но и заболоченные места, которых не меньше. Вот и искали участки ~~лес~~ порсшие березняком, елью, лиственницей и кустарниками. А продираться по ним ой как трудно. Видимо у наших специалистов и задание было здорово не удаляться от Гублинской протоки и Енисея. Так и придерживались расстояния от одного до пяти километров. Много интересного можно рассказать о нашем отряде - первооткрывателя. Сколько смешных ситуаций возникало в процессе работы, сегодня вспоминаю о них как курьезных.

Один раз Пантелеймон своих оленек искал двое суток. А те так увлеклись поиском ягельных пастбищ, что им было не до нас.

Жили мы без всякой связи с внешним миром: ни газет, радио и других источников связи. Населенных пунктов – станков после Карасино, на правом берегу Енисея до самого Ермаково, не было. Изредка попадались охотничьи лабушки, но было безсезонье, и они пустовали. Хотя в каждой можно было найдти охапку сухих дровишек, щепотку соли и табака, а кое-где попадались и сухари. Охотники проявляли заботу и о своем заблудшем товарище.

Проработали мы целое лето и к Октябрьским праздникам подошли к Енисею в том месте откуда можно было увидеть станок Ермаково.

– Вот ребята и завершился первый этап нашей работы – так сказал геодезист, планшет которого несколько разбух от различных отметок.

Не очень то разговорчиво было наше вольнонаемное начальство, но нет нет да и проскальзывало во время разговора речь о будущей железной дороге. Мы поняли, что дорога, которая двинется в сторону Оби, нужна впервую очередь Норильску, где сотни тысяч нашего брата-заключенных, построили на вечной мерзлоте кирпичный город, заводы, шахты, выплавляют разные ценные и необходимые стране металлы, некоторые из которых ценней золота, а подходы к нему только 2-3 месяца во время навигации.

ГИК422(3)

Это то мы понимали и без недомолвок геодезиста.

- А тут мост строить не будут, уж больно широк Енисей, будет железнодорожная паромная переправа - сказал он и делал свои очередные заметки на кальке.

Да завершилась наша работа. Как и было оговорено в начале, здорово то нас не притесняли: кормили, по тем временам хорошо. А когда пошли грибы и ягоды мы все стали справными и набрали нормальный вес. Ловили и рыбу, а в конце пути стали разборчивыми и отдавали предпочтение сигу и пеляди, отодвигая на второй план черную рыбу: сорогу, окуня и даже щуку.

С дичью было похуже, так как у единственной берданки отряда провианта было мало.

Но неожиданно для нас появился источник мяса, и довольно таки стабильный. Стали недомогать олени и Пантелеймон то и дело оформлял акты на списания очередного „больного" оленя.

Так, что наш отряд к Ермакову пришел в полном списочном составе, а олени еле насчитывали и 50%.

Потом уже Пантелеймон мне сказал, что он без оленьего мяса жить не может, да и нас решил быстрее поставить на ноги за счет своего оленьего поголовья.

Геодезист и десятник нашего отряда нам рассказали о том, что стройка будет громадная, строить ее будут зэки, и опыт такой уже

есть. Построили же дорогу от Москвы до Воркуты и дальше до Селихарда. А пока по нашим нашешкам должны построить в ближайшее будущее телефонную линию Москва - Игарка.

Так невольно, я стал свидетелем одним из первых строителей железной дороги Норильск - Селихард.

Я поблагодарил Алексея за рассказ, который на самом деле был более интересным, чем мне это удалось изложить, так как были многочисленные житейские эпизоды и случаи одиноких, оторванных от окружающего мира, мужчин за полугодовое пребывание в тундровых условиях

Я же могу только подтвердить, что после пройденного пути экспедицией „Желдорпроекта" по их нашешкам действительно в 1947 году была построена телефонная линия Москва - Игарка и мы, игаргане, в любое время могли заказать Москву и другие города страны и говорить с ними, ну прямо рядом... такая хорошая была слышимость. И прослужила эта линия более тридцати лет.

А в 1948 году прибыли и первые строители: начальство 503 стройки ГУЛ-ага и многие десятки тысяч заключенных. Но это уже другой рассказ.

120293 года

г. Игарка.

ГИК 429(4)